

ТАКАЯ ЖИЗНЬ В СКАЗКЕ

Память этой актрисы хранит десятки историй, случившихся давным-давно, но нередко повторяющихся и теперь

СИТУАЦИЯ была банальной: некий человек, находясь в командировке в чужом городе, то ли в ресторане, то ли в кафе оказался за одним столом с офицером. Наверное, выпили, разговорились. Как водится — о себе, о семьях, о женах, об анекдотах насчет верности... Человек возьми и скажи: дескать, моя жена честью проживет.

— А офицер этот, — с грустью продолжала свой рассказ Елена Ткачева, — с ним за спор, что он к его жене придет и что хошь с ней сделает. Дошло у них дело до больших тыщ...

В письменном изложении интонацию Ткачевой сохранить трудно, и все же... Дальнейшие события разворачивались так: командированный «отбил жене телеграмму: дескать, гость едет».

Приезжает к ней этот гость, принимает она его честно-благородно и — за закуску. Вот он выпил, закусил и стал он к ней лабзацка, дерзкие слова говорить. Она от него отовлекается. Он вынимает револьвер: все равно, дескать, с душой расстанешься. Она ужаснулась, говорит: «Вот ночь придет...» И решился он ночи ждать.

Чем завершилась эта история, лучше узнать от самой Елены Ткачевой. И не в частной беседе, а непременно тогда, когда она в старорусском сарафане выходит на эстраду, чтобы читать... сказки. Ведь и спор командированного с офицером — тоже из сказки, и не современной, а сочиненной бог весть ког-

да и бог весть кем. Известно только, что записана она с уст старой крестьянки Натальи Осиповны Винокуровой, неграмотной нищенки, бродившей с сумой по сибирским дорогам. Записано слово в слово, причем так, как она это слово произносила.

Минут пять длится трогательное повествование, сменяется вторым, третьим, десятым... Много их в репертуаре Елены Ткачевой, едва ли не единственной в нашей стране актрисы, выступающей со сказками. Трудное выбрала она амплуа, не зря, вероятно, предупреждали ее опытные коллеги: «Напрасно берешься за это. Непрестижный жанр. Да при первой же твоей фразе: «Жили-были...» в зале начнут зевать». И тем не менее именно с нею она выходит из-за занавеса на сцену:

«Жили-были старик со старухой. Бедно жили. У них восьми ли, девяти лет мальчик был. Ну и до крайности дожили — पोест нечего. Шабаш!»

— Давай мальчишку, старуха, отдадим в услужение. Хошь из-за одежи. Да и сыт будет...»

Опять обыкновенная по сути история: ну мало ли семей, где ребенка одеть не во что, накормить нечем? Но дальше-то, дальше Наталья Осиповна (от нее и эта сказка) такой детективный сюжет закручивала — с погонями, пленениями, обманными сделками, чудесными превращениями и дворцовыми интригами, что иному автору приключенческих книг не придумать. И Елена Ткачева мастерски разыгрывает захватываю-

щие дух сцены, включая сказку в свой репертуар.

Если вам посчастливится побывать на ее концерте, обратите внимание на сочную русскую речь, которой лишь давние сказки сказывались. Откроется вам разгадка строкам Пушкина, отосланным брату — Льву Сергеевичу: «Вечером слушаю сказки — и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания». И удивитесь вы тому, что лишь сведущие люди знают: сказкам — волшебным, фантастическим, приключенческим, юмористическим, назидательным и прочим, и прочим, — нет числа.

Например, только французская серия «Комната фей», выпущенная в свет в 1785—1789 гг., состоит из 41 тома. И русских сказок отнюдь не меньше, хотя у нас на родине подобная же масштабная публикация не предпринималась. Однако специалисты утверждают: почти все сказочные сюжеты «моют» из народа в народ. И на нашей земле столько их, утеранных, рассыпанных, словно жемчуг, который, как известно, умирает, если долгое время его не согревает человеческое тепло.

Елена Ткачева возвращает жизнь сказкам, некогда рожденным в разных уголках России. А это непросто. Вместе с режиссером Ганной Алексеевной Грановской, ее наставницей еще со студенческих пор, по году тратят на то, чтобы

подготовить еще один мини-спектакль, где несколько действующих лиц и всегда единственный исполнитель — актриса Ткачева. В иной такой «пьесе» всего-то четыре странички текста, но и на них безмянные «литераторы» вроде неграмотной нищенки Натальи Осиповны Винокуровой проявили себя талантливыми знатоками психологии русского народа и русского быта, десятки примет которого, невозможных для любой другой страны, наполняют каждую сказку.

Вот, например, «Злая жена» — избавился от нее муж. «Ну, — говорит, — слава богу, отмучился». И пошел домой. Приходит домой, а там — делов!.. Надо коров доить, телка напоить, поросенка накормить, наседку с цыплятами загнать. Дети кричат, есть просят. Делов! Надо печь, варить. Бедствовал он так с неделю и говорит: «С худом — худо, а без худа еще хуже...»

Попробуйте воссоздать эту картину на сцене. Вряд ли удастся. А у Елены Ткачевой получается, и зрители не просто слышат — видят рассказываемое в красках и подробностях. Может, потому, что похожие обстоятельства им знакомы. Или потому, что артистка разбудила их воображение. Или — не то и не другое, а в сказке весь секрет?

В. СВИРИН.

Поскольку концерты Е. Ткачевой не часты, предлагаем вам две самые короткие сказки из ее репертуара.

ПРО КРАСАВИЦУ НЕВЕСТУ

ЖИЛИ-БЫЛИ мужик да баба, муж да жена. И была у них одна-единственная дочка. Берегли они ее, пестовали-баловали, толком дела-то от нее не пытали. Выросла эта девушка — красавица красавицей! Симпатичная, ручки пухонькие, шейка лебединая. Бывало выйдет на гулянье — что одета, что обута, а на головке ейной — волосок к волоску. Всем девушкам девка! Равной не было.

Слух об этом далеко разошелся... И приехал к ней свататься женишок дальний. Ну, скажем, женишок под стать. И ростом, и красотой. Вон больно на тебя был похож! Как две капли воды! Сели они друг против дружки и будто онемели... Наглядеться друг на друга не могут.

Ну, дело такое: и он согласный, и она согласная. Пока сваты, — что и как, — речь об свадьбе вели, они взялись за ручки, подошли к возку. Впряг он кобылу: «Ho! Поехали». Прокатиться.

Едут, едут, вот он ее и пытается: «Красавица ты моя неслезанная, голубушка сизокрылая! Ну, а как ты по дому обряды-ся

учёна, — шанешки испечь, щи сварить?» «Да я, — говорит она, — все-все могу, только щи да шанешки — это не умею». Едут дальше, в глазки заглядывают друг другу, а он ей обратно: «Ну, а чистоту в избе умеешь блюсти — полы помыть, рубашонки постирать?» «Да я, — говорит она, — все-все могу, только полы да рубахи — это не умею». Ладно, едут дальше, он по лошадке кнутиком хлопывает: «Ну, а мешок ты сшить можешь?» «Да я все-все могу, только мешков шить не умею». А он как привязался: «Ну, плясать-то ты хошь умеешь?» Красавица аж вскинулась: «Да плясать-то — это я первым делом могу!» Женишок враз вожжи отпустил: «Ну-ка, голубушка, покажи-ка...» Красавица спрыгнула с возка, головкой тряхонула, бровями повела, ручками махнула и пошла-завелась. А он, паралик его расшиби, лошадку как хлестанет, и был таков.

Вот как до этого места дохожу, не знаю, что дальше говорить... Ну, сказку-то всю рассказали, а жениха так и не догнали.

НАГОВОРНАЯ ВОДИЦА

А ЧТО, желанны вы мои, у вас в городе на водицу-то шопчут? Водицу-то заговаривают? Наговорной еще та водица-то называется... И ведь до чего водица целебна, ну от всего помогает! Да вот, недалеко ходить, я про себя скажу.

Я с мужиком-то со своим уж как ладно живу! А прошлую-то зиму и приключусь с ним что-то неладное. Ну, такой поперешной мужичонка-то стал, не приведи господь! Ты ему так, он те эдак. Ты ему слово, он те — два. Да уж и я, родны вы мои, удала была! Он — два, а я — пять, он — пять, а я — десять... И такой вихорь у нас завьется, хоть святых выноси. Спасибо, одна старушонка мне и помогла, надоумила. «Да что, — говорит, — Маремьянушка, у тебя с мужиком-то нелады и нелады? Да пошла бы ты к старцу на гору. На воду тот старец шепчет, людям помогает, бывает. И тебе поможет». Ну, пошла это я к старцу-то. Выходит ко мне, — низенькой такой, шупленькой, седа бородушка клинышком. Что, говорит, сударыня, надобно? Да вот, говорю, такие-то у меня нелады с мужиком...

«А погоди, — говорит, — немного». И вынес он мне, матушки вы мои, водицы в ковшике, да при мне на эту водицу-то так чегой-то там и пошептал. Перелил водицу в склянницу и говорит: «Вот, сударыня, придеши домой, да зашеборши у тебя мужик-то, ты водицы-то и хлебни. Да не сплюнь, не сглоти, а так и держи во рту, покада он не угомонится. Все ладно и будет».

Ну, я старцу поклонилась, склянницу забрала и — домой. И только я это ноженьку за порог занесла, а мужик-то мой и себя не помнит: «Уж эти мне бабы, стрекотухи проклятушие, пойдут да и провалятся!» А я, родны вы мои, водицы-то и хлебнула. Да все, как старец сказывал, — не плюну, не глотну, а так и держу во рту... Замолчал ведь мужик-то мой!.. И пошла у нас с тех пор тишь да гладь, да божья благодать. Он за ругань, я — за водицу, он — за ругань, я — за водицу... А мужик-то мой росту огромного, кося сажень в плечах. И вот такой-то глоточек махонький такую-то махилицу сдерживал. Ведь вот она сила-то какая в водице этой самой наговорной...